

ЗАВОЕВАНИЕ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ РУССКОЙ АРМИЕЙ В 1758 ГОДУ

К началу 1758 г. из всех завоеванных территорий Россия смогла сохранить за собой лишь город Мемель, который и стал отправной точкой для нового наступления русской армии. С середины ноября 1757 г. Конференция при Высочайшем дворе настоятельно советовала главнокомандующему В.В. Фермору как можно скорее начать зимнюю кампанию. В своих письмах к генерал-аншефу вице-канцлер М.И. Воронцов просил последнего не терять времени и поторопиться с наступлением: «Ваше превосходительство тем Ее Величеству и Отечеству нашему бессмертную славу и честь доставите, а для своей персоны заслужите вечную благодарность» [1, с. 350]. Но Фермор, ссылаясь на неблагоприятные климатические условия, с походом не торопился.

Таким образом, тщательно подготовившись к наступлению и получив из Петербурга инструкцию о начале зимней кампании, в конце декабря 1757 г. Фермор, наконец, повел свои войска в Восточную Пруссию. В первый же день 1758 г. отряд П.А. Румянцева вступил в прусский город Тильзит: «Мещане того [города], самопроизвольно из города к командирующему тою партией прапорщику Ребенфелту выехав, объявили, что оный город от войск прусских совсем испражнен и отверстным к принятию войск ее императорского величества представили» [2, с. 100]. В рапорте главнокомандующему Петр Александрович счел нужным отметить, что жители завоеванного города добровольно принимают подданство Российской империи: «несколько духовных и гражданских особ к подполковнику Зоричу <...> явились, прося ее императорского величества высочайшей протекции и защищения, подвергая себя в подданство» [2, с. 100]. За образцово проведенную операцию по захвату Тильзита 7 января Румянцеву был присвоен чин генерал-лейтенанта [2, с. 103]. Развивая успех, русская армия, не встречая серьезного сопротивления, в короткий срок заняла весь анклав. 10 января в город Лобю, где в это время находился В.В. Фермор, прибыли делегаты из Кенигсберга, главного города Восточной Пруссии, с просьбой «принять их в покровительство» российской императрицы [3, с. 462]. Была подписана капитуляция, и на следующий день главнокомандующий русской армии торжественно въехал в древнюю королевскую столицу, где ему были вручены ключи от города [4, с. 105]. В качестве награды Мария Терезия пожаловала Фермору титул имперского графа, а Елизавета Петровна утвердила все постановления главнокомандующего [5, с. 135-136] и назначила его генерал-губернатором Прусского королевства.

Главная причина столь быстрого и легкого завоевания Восточной Пруссии заключалась в отсутствии в регионе значительных сил противника. Вследствие того, что Фридриху II приходилось вести боевые действия в различных частях королевства, он был ограничен в людских ресурсах. По представлениям прусского короля основные события должны были развернуться на полях сражений в междуречье Одера и Эльбы. По этой причине 30-тысячной армии генерала Левальда пришлось покинуть пределы Восточной Пруссии и отправиться на главный театр военных действий, где и должна была решиться судьба королевства [4, с. 100]. Таким образом, вся провинция оказалась брошенной на произвол судьбы. Стоит отметить и недооценку возможностей русской армии, к которой король Пруссии относился с явным пренебрежением. Он считал Россию отсталым государством, не способным на крупные военные успехи: «Эта нация покрыта ржавчиной варварства, она <...> воображает, что она имеет уже некоторое значение» [6, с. 517]. Окрыленный победами при Росбахе и Лейтене и уверовавший в силу прусского оружия, Фридрих II не верил в способности русских военачальников, считая, что Россия не готова к проведению сложной операции в зимний период [7, с. 17-18].

В историографии нет единого мнения о том, какое место занимала Восточная Пруссия в планах России. Дореволюционный историк П.В. Безобразов [8, с. 255] и его современные коллеги П.П. Черкасов [9, с. 294] и М.К. Чиняков [10, с. 87], которые основываясь на сообщениях французских дипломатов, считали, что под напором Версаля российская императрица в 1760 г. оказалась от намерения присоединить провинцию к Российской империи. Большинство же исследователей (А.И. Тургенев [11, с. 142], М.Ю. Анисимов [12, с. 151] и др.), опираясь на дипломатические документы русского правительства, сообщают, что еще до начала Семилетней войны в Петербурге строили планы по захвату Восточной Пруссии для последующего обмена ее Польше на Курляндию. Но чтобы подобный обмен состоялся, Восточной Пруссии пришлось бы войти в состав Российской империи. Правовое положение провинции после 1757 г. остается открытым. Но, учитывая тот факт, что русская армия с января 1758 г. не покидала пределов региона, до середины 1762 г. Восточная Пруссия фактически принадлежала России.

Жители Кенигсберга, как и население других районов провинции, спокойно восприняли свое новое положение и, по-видимому, особой неприязни к завоевателям не испытывали. Как видим, российское правительство еще до начала похода рассматривало Восточную Пруссию как будущую часть Российской империи, поэтому особым приказом войскам было запрещено совершать насильственные действия по отношению к местному населению [13, с. 358]. За время четырехлетнего владычества русских в провинции не произошло каких-либо серьезных выступлений против новой власти. Кроме смены высшего должностного лица, в уп-

равлении регионом мало что изменилось. Вполне возможно, что во времена Восточной Пруссии могла бы превратиться в такую же часть империи, как Ливония и Эстония, где бюргерство и дворянство практически полностью было немецким.

Завоевание Восточной Пруссии оказало большое влияние на дипломатию антипрусской коалиции. С одной стороны, венский двор был доволен тем, что часть земель Прусского королевства была захвачена союзниками, с другой – испытывал беспокойство, боясь дальнейшей экспансии русских в Европе. В России были возмущены столь явным нежеланием Австрии поддерживать своего союзника. Вена и Петербург обменялись резкими нотами протеста [3, с. 463]. Французы были встревожены не меньше австрийцев – в Версале не желали дальнейшего продвижения русских войск на запад. Больше всего Людовик XV опасался возможного обмена Восточной Пруссии на польские земли, т. к. целостность Польши для него была важнее всего. Помимо этого, французский король был обеспокоен близостью русских войск к Данцигу.

1762 год выдался для жителей Восточной Пруссии непростым – в течение пяти месяцев они успели побывать под властью нескольких монархов. Петербургский мирный договор, заключенный между Петром III и Фридрихом II 24 апреля 1762 г., возвращал Пруссии все территории, завоеванные Россией во время Семилетней войны. Два месяца спустя, взошедшая на престол Екатерина II, объявила договор недействительным; таким образом, Восточная Пруссия снова вошла в состав Российской империи. И только 23 августа, после того как русская армия, застрявшая в Силезии, благополучно вернулась домой, Восточная Пруссия окончательно была возвращена прусскому королю.

Библиографический список

1. Из черновых писем графа М.Л. Воронцова к графу В.В. Фермору // Архив князя Воронцова. 1873. Т. 6.
2. Румянцев П.А. Документы: в 3 т. 1953-1959. Т. I. 1756-1763.
3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М., 1963-1965. Кн. 12.
4. Рамбо А. Русские и пруссаки: История Семилетней войны. М., 2004.
5. Архенгольц фон И.В. История Семилетней войны. М., 2001.
6. Неизданные письма Фридриха Великого о его отношениях к России // Под ред. Н.А. Беловой // Русская старина. 1915. Кн. 1. Вып. 3.
7. Масловский Д.М. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 2. М., 1888.
8. Безобразов П.В. О сношениях России с Францией. М., 1892.
9. Черкасов. Елизавета Петровна и Людовик XV. М., 2010.
10. Чиняков М.К. Россия (СССР) в «коалиционных войнах» от Тридцатилетней войны до Второй мировой: к постановке проблемы // Национальная безопасность / NotaBene. 2010. № 6.

11. Тургенев А.И. Российский двор в XVIII в. СПб., 2005.

12. Анисимов М.Ю. Восточная Пруссия в российских планах в годы Семилетней войны (1756-1763 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16. 2014. № 3.

13. Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 2005.

А.А. Агапова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.Т. ЗОЛОТНИЦКОГО В УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ 1767–1774 ГГ.

Развитие русской литературы и периодической печати в середине XVIII века, во многом за счет покровительства монархии, способствовало использованию текста в качестве демонстрации интеллектуального капитала для завоевания внимания вышестоящих лиц на государственной службе. Одним из авторов, который с помощью своих произведений и переводов продвигался по карьерной лестнице, был писатель и член Уложенной комиссии 1767-1774 гг. Владимир Трофимович Золотницкий. В 1760-1762 гг. Золотницкий получил философское образование в Московском университете, где впервые опубликовал переводы нравоучительных басен, и по окончании обучения был переведен преподавателем немецкого языка в Сухопутный шляхетский корпус [1, с. 258]. К моменту Уложенной комиссии Золотницкий, начиная с июня 1765 г., служил секретарем у П.И. Панина, которому посвятил свое сочинение «Общество разнородных лиц, или Рассуждение о действиях и нравах человеческих» и позже, в 1767 г., оду по случаю пожалования в графы. Данный сборник рассуждений, а также произведения, посвященные проблеме бессмертия души (1768; 1780), свидетельствуют о влиянии и рецепции философского дискурса Просвещения на мировоззрение Золотницкого.

В статье предлагается осветить проект Золотницкого о начальном и среднем образовании в Уложенной комиссии 1767-1774 гг. Этому этапу разработки реформы предшествовали обсуждения конца 1750-х – начала 1760-х гг., после создания Московского университета и гимназии при нем. В данный период было предложено две точки зрения на организацию учебного процесса: М.В. Ломоносов отстаивал бессловесный подход в обучении, отдавая предпочтение индивидуальным способностям учащихся; И. И. Бецкой и образовательная комиссия 1764-1767 гг. рассчитывали на повсеместное заведение сословных пансионатов, что было частично воплощено в Смольном институте благородных девиц и Воспитательном доме, созданных по инициативе Бецкого в том же 1764 г. Ко-